

Глобализация и цифровое общество

ЛЮБЛИНСКИЙ Виктор Викторович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; lyubl.victor@yandex.ru)

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЦИФРОСЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ. РЕАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩЕГО И ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Аннотация. В последние десятилетия в условиях формирования новой реальности социальная политика во многих странах превращена в фактор политической борьбы, используется как средство манипуляции и пропаганды. Власти проводят противную сути социального государства политику, отвечающую интересам господствующих политико-экономических групп, с чрезмерно высоким уровнем социального неравенства. Подобная модель политически опасна, социально деструктивна. Между тем вопрос о социальной справедливости вновь возвращается в политическую повестку дня. Цифросетевое общество не может позволить себе большие социальные разрывы, т.к. в силу открытости может страдать его устойчивость, оно менее консолидировано. И задача политической власти состоит в том, чтобы с особой ответственностью подходить к формированию и осуществлению политики в этой сфере, ибо в эпоху цифросетевизации над обществом нависает угроза массового социального исключения (*social exclusion*). Между тем общество эффективно решает проблемы развития, укрепляется и растет, становится более сплоченным только в условиях подлинной демократии.

Ключевые слова: цифросетевое общество, демократия, социальная политика, социальное неравенство, благосостояние, справедливость, политические отношения, политическая власть

В реальной жизни современного общества демократия как политический институт, через который реализуется народовластие, и социальная политика, призванная защищать интересы народа, тесно взаимосвязаны. Социальная политика — важнейший фактор развития; она нацелена на обеспечение социальных прав, без которых реальной демократии в принципе быть не может. И действительно, демократия существует давно, но до недавнего времени (середина прошлого — XX — столетия) даже в наиболее развитых странах это была во многом демократия декларативная, формальная. Ибо когда не обеспечены достойные условия жизни для людей труда, в обществах образуются глубокие социальные разрывы, и поэтому она не может быть иной. Но демократия приобретает реальные контуры, становится более действенной по мере преодоления чрезмерных (социально несправедливых) уровней дифференциации общества по доходам и богатству, а значит по мере усиления социальной политики. Ослабление социальной политики ослабляет демократию, наносит удар по политическим правам, является фактором роста не только социального, но и политического неравенства.

Другой вопрос — социально-политическая устойчивость. Конструкция общества должна выстраиваться таким образом, чтобы не «проваливалась» ее несущая часть, которая является опорой, фундаментом. В современном обществе — это массовые подвижные слои (так называемый средний класс) в широком социально-профессиональном диапазоне между высшими и низшими группами. Третий вопрос — экономическое развитие, передовые, высокие технологии, уровень квалификации и компетенции, инновации. Именно они сегодня, в условиях цифросетевого общества, во многом определяют успех, конкурентоспособность, уровень и качество жизни, социальное благополучие граждан, потенциал и устойчивость современного государства в перспективе.

Одна из серьезных проблем, однако, состоит в том, что в действительности имеет место недооценка роли социальной политики как фактора развития общества и реальной демократии.

В последние десятилетия по мере формирования новой реальности социальная политика во многих странах превращена в фактор политической борьбы, используется как средство манипуляции и пропаганды. Политически выгодно предстать в глазах избирателей, в частности и в России, «щедрым и заботливым» политическим лидером или щедрой политической структурой. Любая политическая сила стремится понравиться гражданам, завоевать их доверие, получить поддержку. И социальная политика – сфера ответственности государства, которую часто стремятся использовать в этих целях. При этом никаких принципиальных изменений в социальной политике может и не быть. Этим объясняется большой удельный вес социально-политического лицемерия, когда провозглашается одно, внешне яркое, привлекательное, проникнутое заботой о гражданах, а на деле провозглашенное если и выполняется, то часто в искаженном виде и в небольшой степени. И при этом в обществе не становится больше ни благополучия, ни справедливости, а социальное государство хотя и декларируется, в т.ч. конституционно, но по факту таковым не является, ибо власти проводят противную сути социального государства политику, отвечающую интересам господствующих политико-экономических групп, которые концентрируют и контролируют колоссальные (до неприличия) ресурсы и активы. При таком подходе страна постепенно утрачивает фактор консолидации, страдает групповая и индивидуальная мотивация, а творческий и инновационный потенциал народа оказывается в значительной степени невостребованным. В результате она рискует лишиться себя возможности быстро и эффективно развиваться, решать социальные проблемы в интересах человека и общества.

В России в силу известных причин социальная политика – весьма чувствительная тема для граждан и общества. И поэтому она находится в центре политической борьбы, которая по этим вопросам проходит не менее, а порой и более остро, чем в других странах. Но результативность ее ниже. Любые социальные инициативы в данной сфере преподносятся как направленные на улучшение жизни граждан. Однако по существу мало что меняется, ибо все действия осуществляются в рамках действующей модели социально-экономического развития, которая не настроена на приоритет социальных интересов большинства народа.

Очевидным подтверждением этого является чрезмерно высокий уровень социального неравенства. Подобная модель не может быть созидательной, она политически опасна, социально деструктивна. Она ограничивает пространство подлинной демократии, уровень которой находится в обратной зависимости от уровня социального неравенства. Об этом свидетельствует мировой, в частности европейский, опыт прошлого и нынешнего столетий, который доказывает: чем меньше неравенство, тем больше демократии, тем она реальнее.

И России следовало бы обратить на это внимание, а также на свой собственный опыт советского периода, а не ориентироваться фактически на опыт США, где социальные проблемы не рассматриваются как приоритетные. А в рамках такой политико-экономической парадигмы, при таком подходе, когда недостаточно учитываются социальные основы российской цивилизации, страна обречена на серьезные риски.

При рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать, что в понятие равенства/неравенства встроены важные базовые элементы – справедливость/несправедливость [Equal Access to Justice... 2019; Hellmann, Schmidt, Heller 2019].

В современном обществе вопрос о социальной справедливости вновь возвращается в политическую сферу, ибо уровень социального неравенства приобрел угрожающий для общества характер. По мнению профессора Н.Е. Тихоновой, проблема избыточного неравенства становится важнейшим вызовом для российского государства и его социальной политики [Тихонова 2019].

Между тем цифросетевое общество не может позволить себе большие социальные разрывы, т.к. в силу открытости оно теряет устойчивость, становится менее консолидированным. Социальное неравенство должно мотивировать, а не озлоблять людей. Саморегулироваться оно в принципе не может, т.к. саморегулирование продуцирует большие социальные разрывы.

Политическое лицемерие во многом продуцируется социально-политическим неравенством. Чем оно больше, тем больше лицемерия, тем больше социальная политика отрывается от реальности.

В России вопросы социального благосостояния являются первостепенными для настоящего и будущего. И от них она никуда не может уйти. Это позитивное наследие социалистической эпохи, уничтожить его невозможно. Однако власти не рассматривают проблемы социального неравенства как главные для общества. На первом плане – бедность, поддержка различных групп малоимущих, регулирование прожиточного минимума. Иными словами, все сведено к абсолютному минимуму, что означает закрепление бедности и нищеты для значительной части населения без серьезных возможностей выхода на восходящую социальную мобильность. То что Россия недавно заявила о ликвидации крайней нищеты и отчиталась в этом перед ООН, конечно, хорошо, но не должно успокаивать, ибо не меняет общей картины и существа проблемы.

Социальная справедливость и равенство прав как новые приоритеты

Мировое сообщество находится на развилке путей социально-экономического и политического развития. Прежняя политика социального выравнивания давно завершилась, как и прежняя модель роста. Она соответствовала модели индустриального общества, в рамках которой политике в сфере распределения доходов отводилась первостепенная роль. Она рассматривалась и как фактор регулирования социально-политических отношений, и как фактор развития, и как фактор, формирующий социально-психологическую атмосферу в обществе.

Сторонники рыночного экстремизма оспаривают такую точку зрения, утверждая, что рынок – это самодостаточный универсальный институт, способный вырабатывать, устанавливать и оптимизировать сферу распределения в соответствии с законами рынка, со спросом. И даже если такая политика проводится, то общество несет издержки. Но это с какой стороны посмотреть. Возможно, в примитивном обществе так и было. Но по мере его роста, расширения и усложнения, социально-экономического и технологического, механизмы саморегулирования все чаще давали сбой, оборачивались серьезными проблемами, нарушали социальное равновесие, от чего общество страдало, срывалось в критические состояния.

Как показывает долговременный опыт современной цивилизации, дистрибутивная политика – важный фактор консолидации общества, его перевода в русло согласия или обострения конфликта. Результат определяется исходной концепцией социальной политики и прежде всего тем, как в ней учитываются противоречивые интересы различных социальных групп, как она эти интересы синтезирует в условиях сложного общества, каковым является набирающее все большую динамику цифросетевое общество. По большому счету, большинство социальных проблем и конфликтов, которые они генерируют, так или иначе

имеют в качестве своего источника проблемы в сфере распределения доходов, богатства, условий и качества жизни, сопряженные с проблемами труда и занятости. И задача политической власти состоит в том, чтобы с особой ответственностью подходить к формированию и осуществлению политики в этой сфере, стремиться к социальной оптимизации, при этом в полной мере учитывая фактор справедливости/несправедливости, ибо в условиях несправедливого распределения прорастают семена ненависти и лицемерия. Одна часть общества ненавидит другую, возрастают риски жесткого социального противостояния и системного кризиса с угрозой дезинтеграции.

Как правило, тема благосостояния, улучшения условий жизни — одна из главных в политической борьбе. И никакие политические силы не могут обходить ее вниманием, ибо общество во все времена находится в ожидании лучшего. И власть чаще всего сменяется потому, что не удовлетворяет ожиданиям граждан. Для власти, конечно, здесь большой простор для манипулирования, и она часто прибегает к использованию заниженных показателей, характеризующих остроту проблемы, доказывая свои успехи, заботу о гражданах. Это распространенные в современном мире технологии политики — лицемерие, манипуляции, искажение социальной реальности, чтобы осуществлять «психотерапевтическую» обработку избирателей, внушая им, что новая эпоха подлинного благоденствия и счастья впереди.

В России народ, как записано в Конституции, — источник власти. Эта важное положение декларативно и красиво. Но, к сожалению, власть в России доминирует над обществом, а она призвана служить обществу. Сейчас если и можно говорить о том, что власть все же ему служит, то она служит и выполняет волю небольшой его части, которая продолжает наращивать свой экономический потенциал, потенциал богатства, а это определяет и характер политических отношений [Михайленок 2018; Динамика... 2019]. Здесь меры нет. Но это происходит повсюду в мире.

Между тем цифросетевые технологии вторгаются и в эту сферу отношений; они начинают использоваться в социальной политике. Честное их применение может дать реальную картину, навести больший порядок в рамках действующей модели распределения материальных благ, а значит и реальной власти, но не может прибавить ей справедливости.

В свое время в эпоху социализма в СССР абсолютный приоритет выравнивания (социального равенства) рассматривался в контексте преодоления эксплуатации, но не принес того социально-экономического результата, который был обещан. Но первоначально он рассматривался не в контексте одной страны, а в контексте общемирового процесса, когда передовой мир вступит на путь социальной трансформации и справедливости, а другие страны, в т.ч. Россия, пойдут следом. Этого не случилось. Теория дала сбой, оказалась, по крайней мере в этой базовой части, утопичной. А Россия оказалась в одиночестве и вынуждена была развиваться в условиях постоянного внешнего давления и необходимости колоссальных усилий для обеспечения своей безопасности и обороноспособности. И хотя издержки оказались чрезмерными, путем мобилизационных мер политического управления и чрезвычайного напряжения сил страна их выдержала. Но все же социалистический проект в силу многих причин — политических, экономических, внешнеполитического и экономического давления и других — потерпел неудачу, по крайней мере, на данном историческом этапе.

Вступление общества в период большой социальной трансформации

Сейчас мир вновь оказался перед лицом социально-экономических проблем

аналогичного порядка, которые поставили в практическую плоскость вопрос о необходимости более справедливого общества [Stiglitz 2012; Picketty 2014]. В условиях развития цифровых технологий и сетевизации расширяющееся пространство виртуальности не может перечеркнуть реальность мира, в котором человек существует. Напротив, социальная реальность от этого становится более острой и выпуклой, а граждане получают новый мощный инструмент для поиска информации и взаимодействия. Хотя и правящие классы также приобретают новые возможности для влияния, пропаганды и манипулирования, чтобы сохраняя свои позиции, оттягивать до предела неизбежность — обновление власти. Но они все же вынуждены считаться с меняющимся обществом, т.к. путь традиционных ограничений, репрессий и подавления «инакомыслия» и альтернативных интересов — путь бесперспективный.

Это подтверждают и события и последнего времени, разворачивающиеся в мире. В США, странах Европы социальная несправедливость в своих проявлениях дошла до того, что достаточно критического события, чтобы начало полыхать все общество. И в основе этого лежат социальные проблемы, возмущающие значительную часть активных граждан, особенно социальное неравенство в сочетании с несправедливостью, выход неравенства за допустимые, терпимые границы. Правящие классы вернулись к наращиванию своих доходов и богатства. А в условиях невысокого экономического роста это оборачивается снижением реальных доходов значительной части населения, снижением уровня жизни, ростом бедности [Inequality in Europe... 2017; Society at a Glance 2019]. Нищета возвращается (как и некоторые болезни, которые в свое время, как казалось, исчезли навсегда) в жизнь общества, становится актуальной проблемой для современной политики.

Цифросетевое общество — общество более высокого уровня меритократичности, учитывая его более высокий научно-технологический характер по сравнению с предшественниками. Парадокс, однако, состоит в том, что в нем пространство для успеха становится меньше, сужается. Элитные группы становятся уже, они переформатируются, расщепляются, а сохраняющие свои позиции и вновь «прибывшие» еще более взмывают вверх. При этом трансформация охватывает все общество — и сферу наемного труда, и самостоятельно занятых, и предпринимателей, и сферу интеллектуальных и творческих профессий. Повсеместно усиливается социальная и экономическая конкуренция, которая выталкивает на периферию жизни значительные контингенты работников, которые проигрывают, исходя из новых требований, предъявляемых набирающим обороты новым обществом и новым укладом жизни [Under Pressure... 2019].

Данные процессы находятся только в начале долгого пути в будущее. Периферийная часть в рамках такой логики будет расширяться [How's Life... 2019]. Над обществом нависает угроза массового социального исключения (*social exclusion*). И значительная его часть имеет небольшие шансы на восстановление и тем более на повышение статусных позиций в условиях, когда во многих сферах деятельности людей все больше смогут замещать машины (робототехника), искусственный интеллект. Все это ломает традиционный характер развития общества и распределения доходов, модель социально-политического равновесия, делает долговременную перспективу и будущее более неопределенными.

Рыночная система, определяющая характер экономических, социальных и политических отношений, оказывается в тупике. Способна ли она найти выход, преодолеть проблемы в условиях, когда оказываются нарушенными «метаболические» процессы в обществе? Роботы — не люди, они не создают

спрос. А на основе чего он тогда будет формироваться? И как будут осуществляться циклы воспроизводства на макроуровне?

По нашему мнению, перспективный путь — это формирование и проведение новой социальной политики, способной отвечать на вызовы новой социальной реальности, разработка и осуществление социальных программ, направленных на благополучие людей в новых условиях. Эта модель социального роста и формирования нового гражданина должна быть нацелена на ценности его саморазвития. Труд приобретает новые смыслы, связанные с саморазвитием, ибо угрожающая бездеятельность означает большой риск саморазрушения человека.

Цифросетевое общество, построенное таким образом, способно стать новым генератором депривации. Расхождение между социальными ожиданиями и возможностями возрастает. Люди устают от несбывшихся ожиданий и политических обещаний. В результате в обществе становится больше пессимизма, неверия, ожесточения. И проводя социально неравновесную политику, не базирующуюся на принципе социальной справедливости, политическая власть ослабляет и подрывает свои политические позиции: ее право на управление обществом все больше оспаривается. У нее одна перспектива. Или она возвращается в русло справедливости, или она уходит и передает бразды правления другим политическим силам, которые получают реальную, большую и осмысленную поддержку общества.

Некоторые выводы

Бег за справедливостью бесконечен, она подобна горизонту, который виден, но недостижим. Но все же надо признать, что справедливость — важная дефиниция и важный фактор — несмотря ни на что «продолжает жить» в обществе. И важный момент — мера справедливости. Чтобы понять ценность справедливости и равенства обществу (так оно устроено, и так устроен человек) необходимо соприкоснуться с бездной несправедливости.

Российское общество отторгло ценности справедливости и равенства, согласившись в 1990-х гг. на реформы, их отвергающие, и поддержав соответствующие беспринципные политические силы. И в этом отношении с тех пор мало что изменилось по сути, хотя по форме, безусловно, разница имеет место. Преодолев критический период первого десятилетия, в начале нулевых годов российское общество вступило в период стабилизации и определенных изменений. И заслуга президента В.В. Путина в этом, безусловно, значительна. Но сейчас российское общество вновь оказывается на развилке.

Появился феномен новой бедности — работающие бедные. Прежде она касалась главным образом безработных, особенно находящихся в ее наиболее тяжелой — застойной — форме длительной безработицы, когда шансы на позитивный исход стремительно тают по мере увеличения периода бездеятельности. Этот процесс изменений, как мы видим, охватил значительную часть развитых государств современного мира. Не смогла избежать его и Россия.

Цифросетевое общество все более завоевывает социально-экономическое и политическое пространство. Речь не идет о том, чтобы «все раздать, поделить и выравнять». Социальное выравнивание должно рассматриваться не буквально, не абсолютно, а как фактор развития, повышения эффективности и консолидации. Поэтому, формируя и проводя социально-экономическую политику, политические власти должны исходить из меры выравнивания. Мера социального равенства/неравенства должна быть мотивирующей — таков главный критерий. И она должна дифференцироваться в соответствии со сложностью работы, со спросом на данную работу и востребованностью данного вида дея-

тельности со стороны как работодателей, учитывая рыночный характер организации экономики, так и общества.

И еще один, по нашему мнению, существенный момент. Как только человек переходит на более высокую социальную позицию, меняются его отношения с прежним кругом общения. По мере социального роста этот разрыв социальных связей нарастает, а в результате формируется то, что приводит по факту к разрыву между властью и обществом. Цифросетевизация отнюдь не изменяет данную логику. Новые статусные позиции вводят субъекта в новую систему отношений, в новую «среду обитания» со своими интересами, культурой, профессиональной, социальной, политической, что и определяет неизбежность разрыва с «прежней жизнью». Кстати, при социальном спуске субъект возвращается в прежнюю систему отношений и связей, многие из которых были разорваны. Такова логика развития социального капитала.

Концепция разных видов капитала, определяющих положение индивида в общественной системе отношений, многое объясняет в меняющемся обществе в условиях нынешнего, цифросетевого этапа технологической революции. Кроме того, различные виды капитальных активов обладают свойством перехода из одной формы в другую. Социальный капитал наращивается по мере социального роста. Индивид, обладающий соответствующими активами, может успешно их использовать для наращивания доходов и богатства. Социальный, как, впрочем, и экономический, а также политический виды капитала реализуются через соответствующие сети отношений. Но надо учитывать, что с течением времени подобные сети могут закрепляться, ограничивая «круг избранных», если речь идет о высокостатусных социально-политических группах, с риском превращения их в мафиозные и коррупционные, стоящие над законом.

Как и прежде, подобное имеет место в современном мире. Между тем, когда в обществе правит бал подлинная демократия, надежно обеспечены материальное благополучие и социально-политические права, где существует реальное разделение и равновесие властей, их полная подконтрольность и ответственность перед обществом, периодическая конституционная сменяемость властей, фактор справедливости – не пустой звук, а реально учитывается при формировании и проведении политического курса. И тогда общество может эффективно решать проблемы развития, укрепляться и расти, становиться более сплоченным. Хотелось бы, чтобы таковым состоялся и образ будущего российского общества.

Список литературы

Динамика социально-политических отношений и феномен согласия в современном обществе: монография (А.В. Брега и др.; отв. ред. О.М. Михайленок). 2019. М.: ФНИСЦ РАН. 197 с.

Михайленок О.М. 2018. Социально-политическая динамика в условиях развития сетевого общества. – *Социально-гуманитарные знания*. № 3. С. 202–208.

Тихонова Н.Е. 2019. Социальная политика в современной России: новые системные вызовы. – *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–18.

Equal Access to Justice for Inclusive Growth: Putting People at the Centre. 2019. P.: OECD. 199 p.

Hellmann T., Schmidt P., Heller S.M. 2019. *Social Justice in the EU and OECD. Index Report 2019*. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung. 270 p.

How's Life in the Digital Age? Opportunities and Risks of the Digital Transformation for People's Well-being. 2019. P.: OECD Publishing. 171 p.

Inequality in Europe. Social Europe Dossier. 2017. *Social Europe*. 100 p.

- Picketty T. 2014. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge (Mass.), L.: Harvard University Press. 685 p.
- Society at a Glance 2019*: OECD Social Indicators. 2019. P.: OECD. 131 p.
- Stiglitz J.E. 2012. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our Future*. N.Y., L.: W.W. Norton & Company Inc. 414 p.
- Under Pressure: The Squeezed Middle Class*. 2019. P.: OECD. 169 p.

LYUBLINSKY Viktor Viktorovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Researcher at the Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; lyubl.victor@yandex.ru)

DEMOCRACY AND SOCIAL POLICY IN A DIGITAL NETWORK SOCIETY. THE REALITY OF THE PRESENT AND THE IMAGE OF THE FUTURE

Abstract. *In recent decades, in the context of the formation of a new reality, social policy in many countries has been turned into a factor of political struggle, used as means of manipulation and propaganda. The authorities are pursuing a policy that is contrary to the essence of the social state and meets the interests of the dominant political and economic groups, with an excessively high level of social inequality. Such a model is politically dangerous and socially destructive. Meanwhile, the issue of social justice is returning to the political agenda. A digital network society cannot afford large social gaps, since its stability may suffer due to openness, as it is less consolidated. The task of political power is to approach the formation and implementation of policy in this area with special responsibility, because in the era of digital networks society is under the threat of mass social exclusion. Meanwhile, society effectively solves development problems, strengthens and grows, becomes more united only in conditions of genuine democracy.*

Keywords: *digital network society, democracy, social policy, social inequality, welfare, justice, political relations, political power*
